Культурный суверенитет, культурный экстремизм и вопросы конституционной аксиологии

А. В. Сигарев, М. С. Смирнова

*Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена 25-летию Конституции Российской Федерации. В статье анализируются изменения, которые произошли за это время в правовом регулировании духовной сферы жизни общества. С учетом исторических условий принятия Конституции России в 1993 г., в ней заметна ориентация на принципы либерализма и индивидуализма в культуре. Конституция закрепляет права и свободы человека в качестве высшей ценности, отказывается от наличия государственной идеологии. На примере актов Президента РФ о национальной безопасности показана постепенная трансформация государственной политики в духовной сфере, отказ от принципов либерализма и индивидуализма, возвращение к традиционным духовно-нравственным ценностям России. В конституционном праве России возник конфликт ценностей, связанных с духовной жизнью общества. С одной стороны, провозглашается, что права и свободы человека в духовной сфере имеют приоритет, с другой – реализуется политика культурного суверенитета страны. В статье поднимается проблема культурного экстремизма, рассматривается его неоднозначная связь с усилением роли государства в культурной сфере. Применительно к рассматриваемым проблемам в статье поднимаются вопросы конституционной аксиологии. Авторы приходят к выводу о равной конституционно-правовой ценности прав и свобод человека в культурной сфере и сфере культурного суверенитета государства, о необходимости сочетания этих двух ценностных ориентиров.

Ключевые слова

Конституция, государство, культура, безопасность, ценности, духовная жизнь, экстремизм

Для цитирования

Сигарев А. В., Смирнова М. С. Культурный суверенитет, культурный экстремизм и вопросы конституционной аксиологии // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 2. С. 27–34. DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-2-27-34

Cultural Sovereignty, Cultural Extremism and Issues of Constitutional Axiology

A. V. Sigarev, M. S. Smirnova

*Siberian Institute of Management –
Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This article is devoted to the 25th anniversary of the Constitution of the Russian Federation. The article analyzes the changes that have occurred during this time in the legal regulation of the spiritual sphere of society. Taking into account the historical conditions of the adoption of the Constitution of Russia in 1993, it is noticeable orientation on the principles of liberalism and individualism in culture. The Constitution enshrines human rights and freedoms as the highest value and renounces the existence of a state ideology. On the example of acts of the President of the Russian Federation on national security shows the gradual transformation of state policy in the spiritual sphere, the rejection of the principles of liberalism and individualism, a return to the traditional spiritual and moral values of Russia. In the constitutional law of Russia, there was a conflict of values related to the spiritual life of society. On the one hand, it is proclaimed that human rights and freedoms in the spiritual sphere have priority, on the other hand, the policy of cultural sovereignty of the country is implemented. The article raises the problem of cultural extremism, exam-

ines its ambiguous relationship with the strengthening of the role of the state in the cultural sphere. The issues of constitutional axiology are considered in relation to the problems under consideration. The authors come to the conclusion about the equal constitutional and legal value of human rights and freedoms in the cultural sphere and cultural sovereignty of the state, the need to combine these two values.

Keywords

Constitution, state, culture, values, spiritual life, extremism

For citation

Sigarev A. V., Smirnova M. S. Cultural Sovereignty, Cultural Extremism and Issues of Constitutional Axiology. *Juridical Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 2, p. 27–34. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-2-27-34

Двадцатипятилетие российской Конституции – это повод подвести определенные итоги конституционно-правового развития нашей страны за четверть века, сделать выводы о его успехах и неудачах, о проблемах и перспективах. За это время произошло много значимых изменений в политической, экономической, социальной сферах, требующих осмысления с позиций конституционного права. Не все замыслы авторов Конституции РФ 1993 г. осуществились.

В рамках данной статьи предпринимается попытка осмысления трансформации конституционно-правового регулирования в духовной сфере жизни общества. Духовная сфера – это совокупность идей, ценностей, оценок, идеалов, которые непрерывно создаются в обществе, трансформируются, подчас конфликтуют между собой. Особенность духовной жизни в том, что она, с одной стороны, в наименьшей степени доступна для правового регулирования, ее истоки лежат в самой глубине сознания человека. С другой стороны, духовная жизнь общества очень изменчива, динамична, противоречива, подвержена своим внутренним закономерностям развития. Изменения в ней, первоначально едва заметные, довольно быстро могут приобретать революционный масштаб. Именно в духовной сфере может быть наибольший разрыв между декларациями и реальностью.

Конституция РФ 1993 г., как и большинство зарубежных постсоветских конституций, была нацелена на деидеологизацию общественной жизни. Она закрепила итоги общественно-политических процессов, начавшихся еще в конце 1980-х гг. и приведших к демонтажу однопартийной системы, коммунистической идеологии и, в конечном счете, к распаду Советского Союза. Маятник общественного развития качнулся в другую сторону: на смену единой государственной идеологии пришел принцип идеологического многообразия. Государство устранилось от воспитания граждан в духе какой-либо идеологии, была провозглашена деидеологизация науки, культуры, образования. По сути, к духовной жизни общества были применены те же принципы, что и к рыночной экономике, – всё решает свободная конкуренция. В данном случае – конкуренция идей, взглядов, верований, мировоззрений. Авторы Конституции, очевидно, исходили из того, что каждый человек способен и должен самостоятельно определять свои ценности, взгляды, убеждения.

Либерально-индивидуалистические принципы нашли выражение в целой системе конституционных положений. Прежде всего, ст. 2 Конституции РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью. Это аксиологический фундамент российской Конституции. Статья 13 закрепляет принцип политического и идеологического многообразия, запрещает установление какой-либо государственной или обязательной идеологии. Статья 14 определяет, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. В ст. 28 закрепляется свобода совести и вероисповедания, право свободно распространять религиозные и иные убеждения. Статья 29 Конституции РФ гарантирует свободу мысли и слова, свободу средств массовой информации, право на поиск и распространение информации, запрещает цензуру. Статья 44 закрепляет свободу творчества и преподавания. Анализ приведенных конституционных положений позволяет сделать вывод о том, что Конституция РФ стремится к нейтралитету в идеологических вопросах, дистанцируется от каких-либо учений и концепций, признавая ценность личного выбора каждого человека.

И лишь в преамбуле Конституция РФ касается таких моральных категорий, как добро, справедливость, любовь и уважение к Отечеству. Включение этих положений не в основной текст, а в преамбулу, которая не имеет нормативного содержания, подчеркивает идеологический нейтралитет Конституции РФ.

Конституция РФ принималась в период падения «железного занавеса», время максимальной открытости России окружающему миру. Граждане России получили доступ к иностранным фильмам, книгам, музыке, активную деятельность в России развернули иностранные религиозные организации. Причем в тот исторический период такая культурная открытость рассматривалась как достижение, как прогресс. Сказалась усталость общества от жестких идеологических рамок советской системы, которые ранее были в культуре, науке, образовании.

В тех же исторических условиях принимались Основы законодательства РФ о культуре от 09.10.1992¹ – базовый закон в сфере культурной жизни, который с изменениями действует до настоящего времени. Здесь использованы формулировки, еще более категорично, чем в Конституции РФ, подчеркивающие ориентацию на принципы либерализма и индивидуализма в духовной сфере. Статья 9 этого законодательного акта установила, что «права человека в области культурной деятельности приоритетны по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных и национальных движений, политических партий, этнических общностей, этноконфессиональных групп и религиозных организаций, профессиональных и иных объединений». Согласно ст. 11 Основ законодательства о культуре «каждый человек имеет право на свободный выбор нравственных, эстетических и других ценностей, на защиту государством своей культурной самобытности».

С течением времени акценты в вопросах духовной жизни общества стали меняться. Оказалось, что в условиях свободной конкуренции идей, ценностей, культурных образцов верх берут самые примитивные из них, не требующие от человека больших усилий, ориентированные лишь на развлечение. Также оказалось, что выбор человека в вопросах духовной жизни перестает быть его личным делом: распространение в обществе идей нигилизма, пренебрежения моралью, культа насилия и криминала создает ситуацию, в которой не могут быть полноценно реализованы те самые права и свободы, которые были провозглашены Конституцией РФ в качестве высшей ценности. Практика показала, что распространение примитивной массовой культуры создает реальные проблемы в сферах образования, борьбы с преступностью, даже обороны и безопасности.

Руководство страны осознало, что духовная жизнь общества – это один из факторов национальной безопасности, а значит, здесь требуется осмысленная государственная политика. В Концепции национальной безопасности России, утвержденной Указом Президента РФ от 10 января 2000 г., отмечалось, что «обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает в себя также защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного достояния всех народов России, формирование государственной политики в области духовного и нравственного воспитания населения, введение запрета на использование эфирного времени в электронных средствах массовой информации для проката программ, пропагандирующих насилие, эксплуатирующих низменные проявления, а также включает в себя противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров»².

Продолжение курса на государственное регулирование духовной жизни общества мы видим в Стратегии национальной безопасности РФ от 12.05.2009. В ней признавалось, что «главными угрозами национальной безопасности в сфере культуры являются засилье продукции массовой культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев, а также противоправные посягательства на объекты культуры. Негативное воздействие

¹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре, утв. Верховным Советом РФ 09.10.1992, № 3612-1 (ред. от 05.12.2017) // Рос. газета. 1992. 17 нояб.

² Рос. газета. 2000. 18 янв.

на состояние национальной безопасности в сфере культуры усиливают попытки пересмотра взглядов на историю России, ее роль и место в мировой истории, пропаганда образа жизни, в основе которого вседозволенность и насилие, расовая, национальная и религиозная нетерпимость»³.

Своей кульминации требование государственного вмешательства в формирование духовных ценностей общества достигает в Стратегии национальной безопасности от 31.12.2015. Она констатирует, что «угрозами национальной безопасности в области культуры являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры»⁴.

В качестве одной из необходимых мер в Стратегии названо «обеспечение культурного суверенитета Российской Федерации посредством принятия мер по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия, осуществление контроля в информационной сфере и недопущение распространения продукции экстремистского содержания, пропаганды насилия, расовой, религиозной и межнациональной нетерпимости».

Наибольшего внимания, на наш взгляд, заслуживает положение Стратегии, раскрывающее содержание традиционных духовно-нравственных ценностей: «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины».

Приведенная формулировка интересна тем, что представляет собой, наверно, первую в постсоветский период попытку официального определения некоего ценностного «стандарта», на который должна быть ориентирована духовная жизнь общества. Положения, которые раньше можно было прочесть лишь в философских трудах, впервые получили официальное закрепление актом главы государства.

В Стратегии использован довольно интересный и показательный термин – «культурный суверенитет». Само понятие суверенитета подразумевает некоторое противопоставление «своего» и «чужого», готовность защищать «свое» от враждебного «чужого». Как видно из приведенной выше формулировки, перечень традиционных российских ценностей противопоставлен внешней идейно-ценностной экспансии, обозначена угроза размывания этих ценностей внешними враждебными силами.

Исторический контекст принятия Стратегии национальной безопасности 2015 г. понятен: резко усилилась международная напряженность, западными странами объявлены санкции в отношении России, оказались разорванными многие политические, социальные, культурные связи. Однако ужесточение государственной политики в сфере культуры и идеологии нельзя связывать только с этими конкретными событиями. Этот процесс начался не в 2015 г., а гораздо раньше.

В последние годы мы видим существенную активизацию деятельности государства по формированию у граждан, прежде всего у молодежи, тех идеологических установок, которые соответствуют традиционным духовно-нравственным ценностям и идеям культурного

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) // Рос. газета. 2009. 19 мая.

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

суверенитета России. Так, в 2015 г. Правительством РФ утверждена государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»⁵, организовано государственное содействие некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность по патриотическому воспитанию детей и молодежи⁶. Аналогичные меры принимаются на уровне субъектов РФ и муниципальных образований.

Тем не менее, реальность такова, что в вопросах духовных ценностей и идеологических предпочтений российское общество далеко от единства. Здесь наметился серьезный раскол, образовались два больших лагеря. С одной стороны – сторонники либеральной идеологии в самых разных ее проявлениях и интерпретациях. Они ссылаются на положения действующей Конституции РФ и настаивают на реализации и защите конституционных принципов в их «чистом», «буквальном» виде. Другой лагерь – это сторонники этатизма, коллективизма, патриотизма, традиционной морали, православия и культурного суверенитета России. Напряженность между этими двумя лагерями возрастает, выливаясь в жесткие дискуссии на интернет-форумах, в социальных сетях, а иногда и в уличных акциях.

В этих условиях возникает явление, которое можно назвать «культурный экстремизм». Речь идет о таких проявлениях современной культуры, которые сознательно ориентированы на скандал, провоцирование конфликта. В качестве наиболее очевидных примеров можно привести выставку «Осторожно религия» в Москве (2003 г.), «панк-молебен» группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя (2012 г.), акции арт-группы «Война» и т. п.

Думается, что культурный экстремизм можно рассматривать наряду с такими «традиционными» проявлениями экстремизма, как национальный, политический и религиозный.

Культурный экстремизм в России направлен на публичное оскорбление традиционных духовно-нравственных ценностей посредством разных видов искусства. Смысл проявлений культурного экстремизма сводится к тому, чтобы максимально снизить значение этих ценностей, показать их относительность, уязвимость, одновременно демонстрируя общественности свою «смелость» и «творческую оригинальность». Излюбленными целями культурного экстремизма становятся религиозные чувства верующих, а также историческая память. Немало примеров того, как предпринимаются попытки «переосмыслить» историю России, в частности представить какие-то альтернативные версии Великой Отечественной войны.

Нисколько не оправдывая проявления культурного экстремизма, можно, тем не менее, понять мотивацию таких поступков – это своеобразная форма протеста против государственной политики в духовно-идеологической сфере. Парадоксально, но такие протесты дают обратный эффект: каждое резонансное проявление культурного экстремизма актуализирует дискуссию о необходимости введения цензуры в организациях культуры, о защите религиозных чувств верующих, о контроле за коммуникациями в сети Интернет, о защите культурного суверенитета страны⁷. С другой стороны, дальнейшее усиление идейно-воспитательного воздействия государства на общество будет порождать и новые протесты.

Каждое проявление культурного экстремизма ставит государственные органы в трудное положение. С одной стороны, значительная часть общества ожидает от них решительных мер по пресечению таких акций, наказанию виновных, введению дополнительных мер по контролю в сфере культуры. С другой стороны, есть конституционные нормы о свободе мысли, слова, творчества, и другая часть общества рассчитывает на их соблюдение.

⁵ Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» // СЗ РФ. 2016. № 2 (часть I). Ст. 368.

⁶ Постановление Правительства РФ от 13.08.2016 № 795 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета некоммерческим организациям, в том числе молодежным и детским общественным объединениям, на проведение мероприятий по содействию патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 34. Ст. 5252.

⁷ «Пора поставить действенный заслон информационной войне». Председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин – о методах борьбы с экстремизмом в России. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2961578> (дата обращения 14.12.2018).

Здесь мы подходим к ключевому вопросу: как оценить трансформацию роли государства в сфере культуры и вообще в духовной сфере с точки зрения действующей Конституции РФ? Можно ли говорить о нарушении конституционных положений? Не пора ли ставить вопрос об изменении Конституции?

Большинство отечественных конституционалистов не выражают беспокойства по этому поводу и в целом поддерживает проводимый государством курс. Так, В. В. Красинский пишет: «В любом государственно организованном обществе именно государство выражает и защищает на системной основе базовые ценности, имеющие значение для самосознания всего народа... Государство не может и не должно отказываться от участия в формировании общественного сознания своих граждан. Иначе это сознание будет формироваться другими институтами и без каких-либо гарантий, что не в интересах российского общества» [1. С. 154].

Тем не менее, представляется, что мы находимся в ситуации конфликта двух фундаментальных ценностей.

С одной стороны, ценностью является духовная автономность личности, ее право самостоятельно определять свои предпочтения в сфере культурной жизни. Человечество прошло большой и тяжелый путь борьбы за признание и утверждение свободы мысли, слова, творчества. В основе духовной автономности личности лежит глубокая потребность человека в поиске смыслов. Человек хочет понять смысл своей жизни и деятельности, хочет самостоятельно определить ценностные основания своей жизни. Попытки сделать этот выбор за человека вызывают естественную негативную реакцию. Много раз тоталитарные системы пытались пресечь духовный поиск, утверждая, что истинные смыслы и ценности уже найдены. Каждый раз оказывалось, что это не так.

С другой стороны, ценностью является культурный суверенитет, предполагающий сохранение таких общественных идеалов, как духовность, вера, добро, справедливость, честный труд, милосердие, любовь к Родине, к людям, к природе. Это коллективный многовековой опыт народа. Эти идеалы много раз практически спасали нашу страну, давали силы для борьбы и победы. Благодаря этим ценностям Россия сохраняет духовную идентичность. Вполне оправдано желание огромной части нашего общества сохранить высокие духовные идеалы, а главное – передать их следующему поколению.

В последние годы развитие получило такое направление конституционно-правовых исследований, как конституционная аксиология – учение о ценностях в конституционализме. Действительно, многие (если не вообще все) проблемы конституционного права имеют свое основание в ценностных основаниях жизни общества. Само по себе развитие конституционной аксиологии – безусловно позитивная тенденция. Развитие конституционно-правовой науки обретает глубину, уходя от поверхностного формализма. По мнению Н. С. Бондаря, «меняется понимание самой конституции... Она презентуется как некий символ веры нации, воплощающий дух народа в его приверженности конституционализму, то, что в кантовских формулах можно определить, как “правовую святость”; питает надежды, определяющие желаемую перспективу общества. Сравнение конституции с “гражданской библией”, через которую постигается и утверждается “конституционная вера”, отнюдь не случайно, как и представление о том, что основополагающие, выраженные в конституции ценности являются своего рода концентрированным нормативно-правовым выражением того, что принято именовать национальной идеей» [2. С. 94].

Исследование вопросов конституционной аксиологии обычно заключается в определении их системы, соотношения, иерархии, баланса. Как утверждает М. С. Пермиловский, «иерархия предполагает неравенство значений конституционных ценностей для человека и общества. На иерархию конституционных ценностей влияют уровень развития демократии, экономики, социального обеспечения, культуры, экологии и другие обстоятельства» [3. С. 52].

Однако иерархия конституционных ценностей не может пониматься поверхностно и буквально. Выбор между культурными правами человека и культурным суверенитетом государства сделать невозможно. Одно теряет смысл без другого. Если мы ставим на первое место

культурные права и свободы, духовную автономность личности и ее право выбора, то теряется само содержание культуры. Возникает ситуация, когда есть выбор, но выбирать не из чего. Именно эта ситуация была характерна для культурной жизни России в 90-е годы прошлого века.

Если на первое место мы ставим коллективное начало, культурный суверенитет государства, возрождение и защиту традиционных духовно-нравственных ценностей, ставим вопрос практически о принудительном приобщении к ним граждан, то эти общественные ценности перестают быть значимыми для конкретного человека. В этом случае восприятие пусть даже самых правильных и великих идей перестает быть результатом личного выбора человека. Человек ценит лишь то, что выбрал сам. Все, что навязано извне, так и остается чужим, внешним, поверхностным. Эту ситуацию можно было наблюдать в советский период, когда граждане находились под мощным воспитательным воздействием в образовательных учреждениях, в средствах массовой информации, в общественных организациях и трудовых коллективах. Официальная идеология воспитывала в людях, казалось бы, самые лучшие качества – патриотизм, коллективизм, честность, порядочность. Но не было акта личного выбора человеком этих идей. Именно поэтому с распадом советского государства, с исчезновением внешнего идеологического воздействия эти идеалы были так быстро забыты. Итак, мы приходим к выводу, что культурные права и свободы человека и культурный суверенитет государства – это равные по значению конституционные ценности.

Как справедливо полагает Д. Г. Шустров, «формальная конституционная аксиология не всегда может противостоять реальным жизненным обстоятельствам, ценность высшая предается во имя порядка, ее «обеспечивающего», и во имя множества таких же высших ценностей, которые испытывают нужду в данном порядке, а данный порядок – государство – является «общим благом всех граждан» [4. С. 11].

Также уместно говорить об эксплицитных (прямо указанных) и имплицитных (выводимых путем толкования) конституционных ценностях [5. С. 6]. Конституция РФ не чужда и не враждебна идеям коллективизма, справедливости, патриотизма и духовности. Это – скрытые, имплицитные ценности. Их актуализация происходит сейчас, с учетом сложившейся политической и культурной ситуации.

Таким образом, действующая Конституция РФ, по крайней мере в том, что касается вопросов культуры и духовной жизни общества, сохраняет свой созидательный потенциал и не требует изменений. Как уже отмечалось, формально она основана на идеях либерализма и индивидуализма в духовной сфере, на приоритете личного нравственного выбора, но не меньшую конституционную ценность имеют и традиционные духовно-нравственные ценности добра, справедливости, патриотизма.

В современных условиях от государства требуется очень аккуратная, взвешенная, можно сказать, мудрая политика, направленная на утверждение культурного суверенитета России при уважении к индивидуальным правам и свободам личности. Воспитание молодежи в духе традиционных духовно-нравственных ценностей должно быть построено таким образом, чтобы не было принуждения, навязывания, чтобы оставалось место для личного духовного поиска и выбора человеком своих ценностей и идеалов. Думается, что такой подход будет способствовать и минимизации проявлений культурного экстремизма в российском обществе.

Список литературы / References

1. **Красинский В. В.** Защита государственного суверенитета: Монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 608 с.
Krasinskij, V. Zashchita gosudarstvennogo suvereniteta [Protection of state sovereignty]. Monograph. Moscow, NORMA INFRA-M, 2017, 608 p. (in Russ.)

2. **Бондарь Н. С., Джагарян А. А.** Правосудие: ориентация на Конституцию: Монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. 224 с.
Bondar, N., Dzagharyan, A. Pravosudie orientaciya na Konstituciyu [Justice: Constitution-oriented]. Monograph. Moscow, NORMA INFRA-M, 2018, 224 p. (in Russ.)
3. **Пермиловский М. С.** Основы конституционной аксиологии: диалектика ценности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 7. С. 8–12.
Permilovskij, M. Osnovy konstitucionnoj aksiologii dialektika cennosti [Fundamentals of constitutional axiology: dialectics of value]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2018, vol. 7, p. 8–12. (in Russ.)
4. **Шустров Д. Г.** Иерархия конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 6–15.
Shustrov, D. Ierarhiya konstitucionnyh cennostej [The hierarchy of constitutional values]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2013, vol. 6, p. 6–15. (in Russ.)
5. **Бондарь Н. С.** Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6. С. 1–11.
Bondar, N. Konstitutsionnye tsennosti – kategoriya dejstvuyushchego prava v kontekste praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossii [Constitutional values – the category of the law in force (in the context of the practice of the Constitutional Court of Russia)]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2009, vol. 6, p. 1–11. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
24.02.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Сигарев Андрей Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия)

Andrey V. Sigarev, Candidate of Legal Sciences, Docent, Head of the Department Constitutional and Municipal Law, Siberian Institute of Management a branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (6 Nizhegorodskaya Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation)

sigarev@siu.ranepa.ru

Смирнова Маргарита Сергеевна, аспирант Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия)

Margarita S. Smirnova, Postgraduate, Siberian Institute of Management a branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (6 Nizhegorodskaya Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation)

ms2400@mail.ru